

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 94(47)

**Историко-этнографические параллели русского населения
Нижнего Поволжья, р. Урал и старожилов Русского Севера**

Бахтов В.В.¹

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ культуры локальной группы русского народа на Севере России с группой русского народа в нижнем течении реки Волги и реки Урал, между которыми также обнаруживаются черты сходства в орудиях рыболовства, сюжетах фольклора, преданиях старины. Отдельно рассматриваются параллели в лексике групп говоров русского народа на Севере России с группой русского народа в нижнем течении реки Волги и реки Урал.

Ключевые слова: Русский Север. Нижнее Поволжье и р. Урал, освоение. Междисциплинарные исследования. Сравнительная диалектология. История. Этнография. Поплавные казаки, ратные казаки, казаки-батраки, уральские казаки, старожилы Поволжья.

**Historical ethnographic parallels of the Russian population of
the Lower Volga, the Ural River and the old-timers of the
Russian North**

Bakhtov V.V.¹

Abstract. The article comparative analysis Russian culture in the North of Russia with the Russian culture in the lower reaches of the Volga river and the Ural river, which also show similarities in fishing tools, folklore, ancient traditions. Separately discusses the similarities of vocabulary Russian dialect groups in the North of

Russia have with the Russian people groups in the lower reaches of the Volga river and the Ural river.

Keywords: Russian North. Lower Volga region and the Ural river, exploration. Interdisciplinary research. Comparative Dialectology. History. Ethnography. Poplavnye Cossacks, military Cossacks, farmhands Cossacks, Ural Cossacks, old-timers of the Volga region.

¹*Бахтов Владимир Валерьевич, историк, преподаватель филиала Московского политехнического университета. ул. Б. Семеновская, 38, 107038, г. Москва, Российская Федерация.*

Bakhtov Vladimir Valeryevich, historian, lecturer at the branch of the Moscow Polytechnic University, B. Semenovskaya str. 38, 107038, Moscow, Russian Federation.

E-mail: bahtov70@mail.ru

© **В.В. Бахтов**

Богатая и оригинальная культура старожильческого населения побережья Белого моря давно приковывает к себе пристальные взоры научного мира, но комплексное научное изучение края началось проводиться только с середины XIX в., когда сюда устремились учёные-лингвисты, этнографы и просто любители собиратели фольклора (например, известные собиратели северного фольклора П.Н. Рыбников, А.Ф. Гильфердинг). В этом отношении заметную роль в исследовании севера европейской части России сыграли члены экспедиции под руководством Н.Я. Данилевского, организованной Министерством государственных имуществ, которые посвятили Русскому Северу два тома из серии по изучению наиболее крупных рыболовных центров в Российской империи [10]. Со строительством железных дорог и установлением постоянного сообщения с Русским Севером обследование края было поставлено на новый уровень. Теперь уже целые научные коллективы стали проводить полномасштабное обследование Поморского побережья в самых разных уголках этого значительного по масштабу и вместе с тем сурового региона. Историки стали неумолимо изучать в монастырских архивах накопившиеся за столетия старинные фолианты. В советский

период Институт истории АН СССР, включая его Ленинградское отделение, по данным монастырских архивов, отчётов путешественников и актов царской администрации издали солидные тома сборников по Русскому Северу [1, 2, 3], сформировались местные научные кадры (например, И.А. Елизаровский, И.М. Дуров, И.С. Меркурьев).

Однако изучение страниц прошлого этого северного края оставило для нас немало неразгаданных вопросов. В этом отношении одним из интереснейших и мало изученных аспектов истории является тема расселения насельников Русского Севера в восточные окраины Русского государства в XVI -XVII веках и связанный с ним вопрос образовавшихся историко-этнографических параллелей русского населения Нижнего Поволжья, реки Урал и Русского Севера.

При исследовании этой проблемы будет необходим самый разный круг источников, которые в совокупности позволят взглянуть на существо вопроса с разных ракурсов. В их числе – богатое устное народное творчество, собранное этнографами в XVIII – начале XX вв. Другими важными источниками могут быть этнографические материалы из экспозиций музеев, публикации научных экспедиций, альбомы, описания путешественников. Не менее значимым в данной проблеме представляет собой диалектный материал локальных групп русского народа. Самые разные аспекты жизни населения Русского Севера в XVI-XVII вв. освещают такие исторические письменные памятники, как: писцовые книги, грамоты, приходно-расходные книги монастырей, купчие, закладные, кабальные записи, дипломатическая переписка, акты приказов и др. Используя в совокупности пусть и небогатые, а порою фрагментарные данные разных категорий источников, можно будет попытаться проследить культурные связи жителей Русского Севера с другими локальными группами русского народа. В этом отношении весьма эффективным методом поиска культурных и языковых параллелей станет комплексный подход, то есть междисциплинарные исследования с использованием всего известного науке фактического материала – данных лингвистики, фольклористики и этнографии. Такой методологический подход станет весьма результативным при сравнительном анализе культуры, фольклора и диалектов населения Русского Севера с фронтальными группами русского народа.

Хозяйственно-промысловые параллели старожилов Русского Севера с насельниками нижней Волги и р. Урал

Первое, что бросается в глаза при ближайшем рассмотрении хозяйственно-культурного типа (ХКТ) старожилов Беломорья – это явное совпадение его главных параметров, определяющих этнографический облик, с таким значительно отдалённым регионом русского мира как ХКТ старожилов нижней Волги и р. Урал, и это несмотря на то, что оба региона расположены в столь разных климатических зонах.

Для жителей Беломорья, как и для волгарей и уральских казаков, основным источником существования было рыболовство. Недаром раньше поморы любили говаривать: «Мы – Белого моря народ», а Белое море называли «батюшка родной» [27, С. 54]. Море для поморов было кормильцем: «У поморов море – поле, оно кормит!» [29, С. 119]. Без преувеличения поморы «жили морем», поскольку из-за сурового климата они не могли здесь заниматься земледелием и всё нужное для жизни дарило море. Поморы занимались главным образом прибрежным ловом рыбы в море – ловили морскую рыбу: сельдь, камбалу, навагу и др., а в реках – сёмгу, корех. Ценной промысловой рыбой на *Русском Севере* была красная рыба, к которой относились лососевые: сёмга (лосось), кумжа (форель), нельма, сиг (из осетровых есть только стерлядь), когда как на р. Урале – осетровые, а численность лососевых незначительна. Кстати, сами уральцы «рыбой» называли, главным образом, красную рыбу, т.е. осетровых [16, С. 556]. О «хлебе насущном» на Кольском полуострове говорят скупые фразы из налогового акта от 6 мая 1575 г.: «по обыском всей Поморской земли... реку Варзугу и морские берега в Варзуге отписав, на варзужан оброк положен ...по 300 по тритцати по 4 рубля и по пятинатцати алтын и по 4 денги на год... та у них река Варзуга под дворы от Двинские земли за морем за окяном за болшою пучиною, по смету тысяча верст и болши, а земли у них нет, хлеба оне не пашют ...ловят в ней красную рыбу семгу» [3, С. 67]. Сёмгу ловили весной, летом и осенью. Участки лова сёмги («пески», «тони») распределялись сельской общиной по количеству мужчин в семье [27, С. 55]. На Терском берегу, где сёмга считалась самой лучшей, лов сёмги имел главенствующее значение в рыбной ловле.

В каждом регионе Поморья были свои орудия лова сёмги: плавные сети, закидные неводы, «стоячие» неводы, «тайники». На Северной Двине ставные сети назывались «выбои» [27, С. 116-117]. Близ устья р. Печора сёмгу ловили сетными «перемётами». На Мезени и Кулое использовали сети-поплавни [27, С. 117]. Кроме сетей и неводов, для лова рыбы использовались ловушки мережи (в Мезени назывались рюжи), разного рода заграждения (заборы), крючковые орудия лова, реже остроги. Соседями поморов были саамы, основными занятиями которых было охота и рыболовство. Во внутренних районах Кольского полуострова саамы занимались озёрным ловом, а в прибрежных районах главная роль отводилась промыслу сёмги [33, С. 16]. Поморы переняли некоторые приёмы охоты и рыбной ловли, саамские названия рыб и животных, мест лова. Например, были заимствованы такие термины, как: лох, килька, кумжа, сиг, морж, тюлень, майна и др. От соседей карел поморы переняли приёмы рыбного лова и связанные с ним такие названия, как: сима (верёвочка, леска в горле мерёжи), зюзьга, морда, ванда, каба (колышек для привязи лодки) и др. [21, С. 200, 202-205].

На побережье поморы занимались промыслом тюленей и моржей, а в открытом море – белух и китов. И всё же так называемый «бельковый промысел» у поморов, как и «бельковый бой» у казаков-уральцев играл минимально значимую роль в хозяйстве [25, С. 85]. «Беляк» в говоре уральских казаков и «белёк» в говоре поморов – тюлень в возрасте до трёх недель [15, С. 123]. На новом месте, в Каспии, роль белух могли занять крупные рыбы из семейства осетровых, которых странники с Севера стали называть тем же именем (по-поморски, «белуга»).

Весьма схожий с поморами образ жизни вели казаки на р. Урал. Как точно заметил казачий бытописатель середины XIX века И.И. Железнов: «Главный или правильнее, коренной промысел уральских казаков – рыболовство» [9, С. 157]. Об этом же писали советские учёные, считая, что основными формами хозяйства яицких казаков являлось рыболовство, со второй половины XVII в. – скотоводство [18, С. 494], а с 40-х гг. XVIII в. – земледелие (такое запаздывание с переходом к земледелию объясняется прежде всего постоянной военной опасностью со стороны кочевников, которая стала уменьшаться в XVIII в.). По определению филолога Э.В. Копыловой, на Нижней Волге и

Каспии рыболовство считалось основным занятием населения, что обеспечило самобытную лексику в этом регионе [11, С. 5]. По большому счёту можно схематично очертить две наиболее крупные в прошлом рыболовецкие историко-культурные области (ИКО) в России: «*Рыболовы северных рек и побережья Белого моря*», с одной стороны, и «*Рыболовы нижнего течения Волги, Урала и побережья Каспийского моря*», с другой. Несмотря на то, что эти ИКО располагались в разных климатических зонах, тем не менее, переселение некоторой части населения Беломорья на территорию Урало-Поволжья могло позволить переселенцам кардинально не менять свой устоявшийся ХКТ и занять в пойме Урала подходящую для них схожую с предыдущей близкую им экологическую нишу.

Фольклорно-этнографические параллели насельников Русского Севера с уральскими казаками

Немалое сходство в традиционной духовной культуре жителей Русского Севера с уральскими казаками можно обнаружить в фольклоре. В этом отношении весьма интересным объектом для изучения может служить былина о Василии Буслаеве, записанная Киршей (т.е. Кириллом) Даниловым в 40-х годах XVIII в., который жил в имении Демидова на Среднем Урале. В былине говорится о далёком путешествии новгородцев к берегам Каспийского моря: «*На славном море Каспицкием, /На том острове на Куминскием /Стоит застава крепкая, /Стоят атаманы казачия, /Не много не мало их — три тысячи; /Грабят бусы-галеры, Разбивают червлены карабли /Походил Василей сын Буслаевич /На ту ли гору Сорочинскую, /А за ним летят дружина хоробрая*» [7, С. 82].

Весьма интересно, что в этой новгородской исторической песне В. Буслаев назван атаманом казаков. Можно лишь осторожно предположить к какой культурной традиции относилась эта былина. Пересказчик былины вполне мог быть казаком. Например, в сборнике К. Данилова присутствуют песни селенгинских (т.е. забайкальских) казаков (песни № 35, 44). И это не случайно. Селенгинские степи были в зоне промыслового интереса Демидовых. И всё же большая часть былин могла попасть к Демидовым из северных регионов. Былина о В. Буслаеве также была записана в XIX веке от сказителей на Севере Руси: Н.А. Поповой (пос. Повенец), Т. Антонова (пос.

Толвуй), Н. Прохорова (г. Пудож) [28, С. 152-154, 215-225, 289-296]. Есть все основания утверждать, что большая часть записей была сделана К. Даниловым непосредственно на Среднем Урале, ведь этот регион являлся в своё время местом переселения русских выходцев с Русского Севера и поэтому на Среднем Урале могли сохраниться севернорусские былины, которые не зря имеют очевидные параллели с так называемыми былинами новгородского цикла. Это, в частности, касается былин о Дюке Степановиче, Илье Муромце, Добрыне, В. Буслаеве, Соловье Будимировиче, Садко [7, С. 174-176]. Из эпических памятников можно узнать о пребывании новгородцев на Волге ещё во времена татарских ханств. Об этом, например, говорится в былине о Садко, который вернувшись в Новгород, рассказывал о своём путешествии: «Я гулял по Волге 12 лет, /Со вершины знаю и до устья её, /А из нижнего царства Астраханского» [5, С. 31-32].

О плавании новгородцев по Волге поётся в другой эпической исторической песне «Соловей Будимирович»: «Ай же вы, братцы, дружинушка хоробрая, /...А слушайте-ка большого атамана /...А по волжаной сходенке вам итти, /Всем моим дружинушкам хоробрыим» [5, С. 35].

Сюжет былины о Ставре Годиновиче кроме Русского Севера был распространен ещё на р. Урал, Тереке и в Сибири. Былина о Дюке Степановиче была известна на р. Урал, на Дону, на Тереке, на Севере Руси в Прионежье [13, С. 54-55]. Былину об Илье Муромце знали как на р. Урал, так и на Русском Севере. Былина новгородского цикла «Добрыня и Марина», записанная П.Н. Рыбниковым в XIX в. в Кенозёрском погосте (Каргопольский уезд), по содержанию близка с текстом былинной песни уральских казаков, записанной Е.И. Коротиным [28, С. 143]. И становится очевидным тот факт, что уральцы одни из немногих, кто сохранил общерусские былины.

Весьма любопытное предание сохранилось у казаков «уходцев», в прошлом уроженцев села Коловертного на р. Урал. В начале 2000-х гг. народный музей «Старый Уральск» посетил Николай Филатович Ефремов, 1931 года рождения. Его дед, Спиридон Тимофеевич, 1850 года рождения, был выслан в 1874 г. с р. Урал и поселился в Турткуле на Амударье, где так называемые «уральцы» стали жить сплочённой общиной. Директор музея А.З. Курлапов записал в журнал воспоминания Ефремова о том, что успел ему поведать его дед: «Мы жили по

Белому морю, мы были вольные (казаки), нам прислали воеводу, а мы ушли на Волгу, гуляли на Волге – это ещё до Ермака, а потом с Ермаком пошли ходить» – так старики бали». Примечательно, что в рассказе старика-уходца красной нитью выделяется главный лейтмотив казачьей ментальности – быть свободным от «тягла». Первое, что удивляет в предании – отсутствие таких подробностей в дневнике Палласа, бывшего в этих местах дважды. Ничего подобного также нет в трудах Н.Ф. Савичева, И.И. Железнова, А.Б. Карпова. С другой стороны, Паллас рассказывает, что одним из первоначальных мест заселения р. Яик казаками является Коловертное. По всей видимости, речь идёт об основании Коловертного, а не столько об основании всего уральского войска в целом. Скорее всего, на слуху Палласа оказалась сокращённая версия предания со слов станичного атамана (т.е. самого важного в посёлке, но более радующего о местных заботах, чем о собирании фольклора), который в детстве мог слышать предание и рассказал, что запомнил, учёному.

Таким образом, вполне можно утверждать, что предки уральских казаков могли принести с собой на р. Яик былины новгородского цикла из Северной Руси.

Сравнительный анализ названий орудий рыболовства населения Русского Севера с Нижним Поволжьем и уральскими казаками по данным диалектологии

Близкое сходство уральцев и волжан с севернорусской этнографической группой подтверждается также данными сравнительной диалектологии при сопоставлении лексического материала говоров этих локальных групп. В этом отношении возможные филологические параллели могут быть выяснены в ходе сравнительного анализа лексики говоров казаков р. Урал и говоров в других регионах.

Первыми, кто обратил внимание на заметные параллели диалекта уральцев с севернорусскими говорами, стали филологи с Кафедры русского языка Уральского педагогического института имени А.С. Пушкина (г. Уральск) – Н.М. Малеча и Н.В. Михеева, работавшие в 1960-1970 гг. по собиранию диалектного материала на территории бывших земель Уральского казачьего войска. Малеча ещё при жизни составил «Словарь говоров уральских (яицких) казаков», а

Михеева написала в 1975 г. кандидатскую диссертацию «Рыболовецкая лексика русских народных говоров среднего и нижнего течения р. Урал» [20].

В 1975 г. Михеева попыталась сопоставить рыболовецкие термины по крупным рыболовецким регионам. Для эксперимента в её наличии было единиц рыболовецкой лексики: 2 144 с р. Урал, 684 (31,9 %) с Нижней Волги, 227 (10,6 %) с Нижнего Дона, 191 (8,9 %) с Пскова, 112 (5,2 %) из Беломорья. В результате анализа обнаружилось общих с рыболовецкими терминами уральцев с Нижней Волгой 318 ед., с Нижним Доном 76, с Псковом 49, с Беломорьем 42 [24, С. 119-133]. В итоге, самое большое количество совпадений обнаружилось между Нижней Волгой и р. Урал, чем Михеева объяснила близким соседством, а также тем, что на Нижней Волге и на р. Урал из первых насельников было много нижегородцев [20, С. 116,134]. По большому счёту эти два района вполне можно рассматривать как одну общую ИКО, учитывая не только географическую близость.

Из рыболовецких терминов уральцев обнаружались такие параллели в Беломорском и Псковском регионах, как: 1) *Названия орудий лова и их частей (совпало 44 ед.)*: Вентерь (Псков), Лещевая сеть (Белом., Псков), Морда (Псков) и пр. 2) *Названия вспомогательных орудий лова (7 ед.)*: Вешало (Белом.), Нос (иглицы) (Псков) и пр. 3) *Названия лодок и их частей (2 ед.)*: Будара (Псков), Неводник (Псков). 4) *Названия мест лова и прорубей (2 ед.)*: Майна (Белом.), Тоня (Белом., Псков). 5) *Названия действий в рыболовстве (8 ед.)*: Выливка (Белом.), Глушить (Белом.), Неводить (Белом.) и пр. 6) *Названия промысловых групп и участников лова (7 ед.)*: Весельщик (Белом.), Кормовщик (Белом.) и пр. 7) *Названия рыб и частей тела (10 ед.)*. Таким образом, Михеева установила следующие аналоги рыболовецких терминов по регионам: Пскова с р. Урал 49 ед. (полных и близких совпадений); Беломорья с р. Урал 42 ед. Итого совпало 80 единиц рыболовецких терминов.

Закончив сравнение, Михеева сокрушалась, что «Исходя из того, что рыбный промысел на Урале был одним из самых древних и его экономическое значение было так велико, что отразилось на всей жизни уральских казаков ..., а также помня о полной изолированности говоров уральцев от остальных говоров русского языка, о замкнутости ..., считаем, что на основании сопоставления анализируемой лексики с

рыболовецкой лексикой других русских народных говоров можно выяснить их лексические связи и, следовательно, подойти к решению вопроса о первоначальном заселении р. Урал... Но такая работа пока не может быть выполнена из-за ограниченности материала: хотя рыболовецкая лексика многих областей и отражена в региональных словарях, но её отражение в них неполное, так как эти словари не специальные» [20, С. 115]. После написания диссертации Михеевой в 1975 г. прошло 45 лет и за это время в свет вышло значительное число новых публикаций, которые во многом восполнили ранее неизвестные данные по этой тематике. Используя новый материал после 1975 года, мной был проведён сравнительный анализ рыболовецких терминов, в результате чего список совпавших терминов был значительно расширен. Из рыболовецких терминов уральских казаков и рыбаков Нижнего Поволжья обнаружались следующие новые параллели с Беломорским и Псковским регионами, как то: 1) *Названия орудий лова и их частей*: 102 ед. 2) *Названия вспомогательных орудий лова (и их частей)*: 29 ед. 3) *Названия лодок и их частей*: 31 ед. 4) *Названия мест лова и прорубей*: 22 ед. 5) *Названия действий в рыболовстве*: 93 ед. 6) *Названия промысловых групп и участников лова*: 15 ед. 7) *Названия рыб и частей тела*: 48 ед. Итого совпало 340 ед. В результате моего исследования были установлены следующие аналоги рыболовецких терминов по регионам: Северо-Запада России с р. Урал и Нижней Волгой 62 ед. (в том числе Пскова с р. Урал и Нижней Волгой 54 ед.); севернорусских с р. Урал и Нижней Волгой 270 ед. (в том числе Беломорья с р. Урал и Нижней Волгой 243 ед.).

По большому счёту важно не столько установить количество совпадений в терминах рыболовства сопоставляемых регионов, сколько учитывать большее число совпадений в комплексе применяемых в рыболовстве орудий лова. Для уральцев и рыбаков Нижнего Поволжья – это были багор, ванда, морда, вентерь, крылёна, мерёжа, жерлица, закидушка, перемёт (крючья), перетяг/а, подпуск, самолов/ка, котец, крыга, ловушка, плавная сеть, поездуха, двухстенная сеть, режак, невод (тягловый, ставной, закидной), накидка, волокуша, обмёт, частич, или частушка, лещовая сеть, перемёт (как сеть), намётка, бредень, или бредешок, забой/ка, ез, заездка, запор, котцы, сижа, острога, сак (как орудие лова) – всё то из перечисленного, что также использовалось у рыбаков

Русского Севера и Псковщины. В редких случаях рыбаки Нижней Волги и р. Урал заимствовали орудия лова вместе с терминами у соседних тюркоязычных этносов (напр., «сандовь», «казы»). Как можно предположить, в астраханском или самарском Поволжье (вероятно, от тумачей) казаки познакомились с учугом, который, если судить из его балтийского по языку происхождению, использовался ещё во времена Именьковской культуры, которая, по мнению ряда учёных, была прибалто-славянским симбиозом. Также имело место самостоятельное развитие того или иного рыболовного снаряда за последние 200-300 лет. Иногда хорошо известные термины стали называть по-новому и можно только гадать, что заставило уральцев назвать каменное грузило по-татарски «таш». Вместе с тем, на новых землях северным рыболовам не стали нужны некоторые орудия лова – сети «сиговик» (на сигов), «гавра» (на лосося), поскольку таких рыб на юге водились мало. Но по большому счёту поселенцы не оказались на южных землях в принципиально иной от привычной среды обитания – здесь тоже водились тюлени и хорошо известные виды рыб. На южную родину они, судя по всему, принесли с Белого моря аханное, плавённое рыболовство, поездование. Только этим обстоятельством в некоторых случаях можно объяснить явные культурные аналоги уральцев и жителей Русского Севера.

Рассматривая рыболовецкую терминологию Ульяновской области, филолог С.А. Мызников отметил, что в тематической группе рыболовецкой лексики русских говоров Симбирского Заволжья представлены преимущественно общерусские лексемы, местные лексические элементы Поволжья, но выявлен и определённый севернорусский компонент (например, ропак, морда, отпуск, иглица) [22, С. 105].

По выражению Михеевой, установление связей анализируемой лексики уральцев с рыболовецкой лексикой других говоров продолжает быть актуальной и важной задачей [20, С. 135].

Казаки Русского Севера и гипотеза о возможном происхождении от них уральских казаков

Обнаруженные параллели в хозяйственно-культурных и диалектных особенностях старожилов Русского Севера и старожилов нижней Волги и р. Урал ставят перед

исследователями вполне резонный вопрос – каким образом можно объяснить эти явно неслучайные совпадения? Чтобы попытаться решить этот этнографический казус стоит обратиться к дошедшим до наших дней историческим документам, которые рассказывают о живших в европейской части Руси XV-XVI вв. неких «казаках». Так, в новгородских актах конца XV в. фигурируют «казаки», которые в научной историографии могут быть классифицированы как «наёмные работники (батраки) в монастырских и зажиточных крестьянских хозяйствах». О таких казаках говорится в «Деловой о границе Осташевской земли Кириллово-Белозерского монастыря с Никольской землей попа Фадея» от 17 июля 1395 г. (на самом деле установлено, что подлинная дата – 1485 г.) [3, С. 180], в Переписной оброчной книге Деревской пятины около 1495 г. [23, С. 19], в новгородских писцовых книгах Шелонской пятины (Которский погост) в 1498 г. [24, С. 125], в Переписной оброчной книге Шелонской пятины (в районе Ивангорода) в 1498 г. [24, С. 228], в Переписной оброчной книге Вотской пятины (Копорье) за 1500 г.

На Севере Руси (рядом с Архангельском) филолог, профессор И.А. Елизаровский (1881-1958 гг.) выделил ещё одну социальную группу казаков XVI в. В источниках их именуют как «поплавные казаки» (плавные, сплавные казаки). Елизаровский объяснил уточняющий эпитет тем, что они занимались ловом рыбы при помощи сети «поплавь» [8, С. 103]. Однако по предположению составителей «Словаря русского языка XI-XVII вв.», поплавные казаки так назывались, поскольку имели прямое отношение к плаванию на судах, а вовсе не потому, что они ловили рыбу плавной сетью. Плавание вниз по реке называлось «низовой поплавкой» [31, С. 86], и именно в таком значении это слово употреблялось в одном из повествований о Соловецком восстании в 1666 г. (Отписка архимандрита Макария) [17, С. 377]. Тем самым, одним из значений термина «поплавь» в русском языке XVI-XVII вв. было 'плавание; путь по воде' [6, С. 350].

В отписи от 28 ноября 1580 г. (док. № СXXXII) для службы сплавных казаков сотник В. Миронов собрал царскую дань и оброк с Егорьевской земли в Лодме (Лодма, Лодомский погост, ныне дачный посёлок в 42 км на северо-восток от Архангельска, на р. Лодьма, впадающей в дельту Северной Двины), взяв «съ

верви по полтретья алтына» по розрубным спискам (по сбору налогов на местные и государственные нужды) [4, С. 82].

За плавных казаковъ «за 400 человекъ» по отписи от 19 марта 1583 г. (док. № CL) сотник П. Фёдоров взял с Борисоглебских земель на Лодоме у В. Момотова 10 руб. и 4 деньги [4, С. 94].

Сотник Ондrejaновского стана В. Шестаков получил по отписи (док. № CLX от 13 декабря 1583 г.) денежный сбор («розруб») с Егорьевской земли «за поплавных казаковъ, и въ кормы, и въ подводы, и въ государьские посланники, и в Московской отпускъ, и в Ярыгинъ сенокосъ» [4, С. 100].

Немаловажным источником доходов казаков Русского Севера в XVI-XVII вв. были услуги по транспортировке речным путём пассажиров и сопровождающего их груза. Так, известно, что в 1579 г. агент Московской компании англичанин Христофор Бэрроу в своём дневнике описывает эпизод путешествия, когда его группа прибыла по Северной Двине в Устюг, где в устье Сухоны они сменили «некоторых казаков», промышлявших на северодвинском и волжском речном пути извозом на дощаниках («doshnickes»). Бэрроу называет их «вольные казаки-гребцы». Подобное же значение этого слова 'гребцы на ладьях' в форме «casakki» мы встречаем у другого английского путешественника начала XVII в. Р. Джемса [14, С. 25].

В отписи (док. № CLXXXIV от 25 января 1587 г.) сотник П. Фёдоров для проезда царских послов взял с Борисоглебских земель на Лодоме денежный сбор на земские расходы «въ казачьи наймы кормщикомъ и носникомъ, и въ парусы, и въ бечевы, опиришено дощаниковъ; и въ сторожевой наемъ, что у пословъ на Колмогорахъ на дворехъ и на судахъ стерегли, да в подводы Федора Кобелева отъ нового Колмогорского города до Устюга, въ казачей наемъ, и кормщикомъ и носникомъ... да въ два дощаникъ Данила Строганова» [4, С. 120].

В отписи (док. № CCXLVII от 30 мая 1596 г.) пятидесяцкий Г. Кустов взял деньги с лодомских деревень «для государева дела въ посольской приездъ въ кормы и въ подводы, и съ Колмогоръ въ отпускъ въ Усть-Колу, и въ судовые въ лодейные въ казачьи и въ кормщиковы наймы, и во все протори государевыхъ пословъ» [4, С. 162].

Более того, занятие по транспортировке речного транспорта на Русском Севере продолжало бытовать и гораздо позже, в XVII в. Например, известно, что в нижнем течении

Северной Двины: «Лодеинои казач(ь)и пяти человеком дано наиму на пут(ь) человеку по ке (т.е. 25) алтын» (1639 г.) (Рукописи Антониева Сийского монастыря (Книга приходо-расходная) – Хранится в Государственном архиве Архангельской области) [30, С. 18].

Как видно из налоговых документов конца XVI в. казаки Русского Севера, представляя собой особую социальную группу, нанимались для обслуживания двинских или морских судов «в подводы», «дощаниками» (т.е. гребцами на дощаниках), «носниками» (т.е. лоцманами), «въ кормы» (т.е. кормщиками), ходили «въ парусы», «въ бечевы» (по-сути, бурлаками). На мой взгляд, одну из двух групп казаков Русского Севера можно будет условно обозначить как *«артели наёмных судовых перевозчиков для обслуживания двинских или морских судов»*.

Как уже говорилось, среди прочих работ по судоперевозкам в XVI в. плавные казаки имели возможность заработать также «сторожевым наймом», «государевыми посланниками», «в московский отпуск», которые требовали уже определённых воинских навыков. Как уточнил И.А. Елизаровский, это были казаки, нанятые на определённый срок для охраны города, морской пристани или чиновных служащих, послов. О том, что казаки, например, служили гонцами или телохранителями при посольствах часто говорится в дипломатических документах Ивана III. Артели таких военизированных наёмников для обслуживания двинских или морских судов назывались в документах *«ратными казаками»*, или теми же «поплавными казаками». Возможно, иногда их также называли «ратными людьми», как например, в док. № СXLVIII, СXLIX, CLVII [4, С. 90-91, 98]. Известно, что «ратные люди» участвовали в знаменитой битве при Молодях в 1572 г.: «во всех полках земских и опришлиных дворян и детей боярских по смотру и с людьми 50 000, литвы, немец, черкас каневских 1000, казаков донских, волских, яицких, путимеских 5000, стрельцов 12 000, поморских городов ратных людей, пермиць, вятчен, коряковцов и иных 5000» [26, С. 224].

В отписи (док. № 727 от 20 марта 1580 г.) сотника Лудской волости И. Мансурова о получении денег с Соловецкого монастыря некие «плавные люди» составили команду речного судна для охраны «государева посланника» [2, С. 143].

В отписи (док. № CLXV) сотник П. Фёдоров 9 декабря 1584 г. «нанял ратного казака къ городу на 3 месяца; да и въ

перестой ратнихъ казаковъ, что настояли у морской у пристани» [4, С. 103], а 20 сентября 1584 г. по Отписи (док. № CLXII) он взял с Борисоглебских земель на Лодме деньги «з двухъ сошекъ съ обжею, по штидесять алтынъ съ сошки, въ немецкаго посла Аглинскіе земли Еремея Бауса да государева опасчика Никифора Никитича, и ... въ отпускъ з Двины къ Москве Петра воеводы, въ кормы ихъ и въ питья и въ поминки земскіе, и въ суды, и въ казачьи наймы». Как объяснил И.А. Елизаровский, на собранные налоги предполагалось нанять казаков для охраны посла Бауса на время следования от устья Северной Двины до Москвы [8, С. 104].

В отписи (док. № CLXXIV от 23 июня 1585 г.) с Егорьевской земли сотник Ф. Харлов взял «по полуодинаццаты деньги съ верви ...въ наемъ на месяцъ ратнимъ казакомъ въ полчетверта человека, что дали къ городу Петру Чередову» [4, С. 111].

Интересно, что иногда в отписях фигурирует должность «ватаман». Так, в отписи от 25 июня 1585 г. (док. № CLXXV) перечисляются князь Василий Ондреевич (князь В.А. Звенигородский, воевода на Двине в 1585-87 гг.), голова Федор Осипов и ватаман Богдан Копылов, которых сопровождали из Холмогор «до Нового города Архангельского» стрельцы во главе с их сотником И. Степановым [4, С. 113].

В случае же ведения Москвой военных действий против недружелюбных соседей казаки Русского Севера могли подрядиться военными наёмниками.

В 1580 г. на исходе затянувшейся Ливонской войны правительством Ивана IV было принято решение о введении чрезвычайного военного налога (т.н. «подъем»), который носил характер не единовременного изъятия (как это практиковалось раньше), а был рассчитан до окончания войны. Им облагались русские и иностранные купцы, монастырское и церковное землевладение и «вся земля», очевидно, посадские и волостные миры [12, С. 95].

Так, 13 октября 1581 г. в отписи (док. № CXXXV) денежный сборщик Лодомской волости П. Васильев сын взял по розрубному списку 11 алтын с каждой верви «в ратные казаки в поход» [4, С. 84].

В 1583 г. соцкий И. Коковнин да пятидесяцкие Д. Копырин, Д. Покрышкин взяли у соловецкого старца Арсения «в

государевы двинские ратные казаки в помет» 2 руб. и 4 гривны [1, С. 204].

Об участии казаков Русского Севера в Ливонской войне 1558-1583 г. пишет в своей грамоте от 24 декабря 1579 г. Иван IV, перечисляя заслуги воеводы Киприяна Оничкова: «приходили немецкие свиские люди с Каянского на нашу украину...с 3 тысячи человек, и ты для немецких людей сделал острог, и немецкие люди к острогу приступали с нарядом, и с приметы, и с щиты 3 дни да 3 ночи и ты с стрелцы, и с пушкари, и с охочими казаки и ...с немецкими людьми в приступех и на вылазках на многих делех бились... и острог от немецких людей отстоял» (док. № 722) [1, С. 140].

18 ноября 1581 г. имя казаков вновь всплывает в Нёноксе (док. № 746) пятидесяцкие Н. Попов сын и В. Корзов взяли «у соловецкого старца Ферапонта в ратное дело в поплавные казаки с промысла и живота (имущества) по разрубному списку втрое восьмьдесят алтын» [1, С. 152]. Тем самым в ратные казаки были зачислены местные «поплавные казаки», которые до того были на промысле.

Как видно из налоговых документов, для участия в боевых действиях в Ливонской войне набирали «поплавных казаков», а в описании событий войны в 1579 г. говорится об «охочих казаках», которые, судя по их наименованию, по собственному желанию приняли участие в войне.

Интересно, что в отдельных документах говорится о взимании налогов для найма донских казаков. Так, в счётной отписи (док. № CLXI от 01 августа 1584 г.) сотника Ю. Савина, и в отписи сотника П. Фёдорова (20 сентября 1584 г.) сообщается о взимании налогов для найма донских казаков [4, С. 101]. Не до конца ясно был ли этот налог общегосударственным либо это был местным, предназначенный для участия донских казаков в боевых действиях непосредственно на Русском Севере?

В отписи (док. № ССXXI от 8 декабря 1590 г.) сотник Б. Спиридонов взял розруб «по 19 алтынъ съ верви въ государеву дань и оброкъ, и въ покруть ратнимъ казакомъ, что идутъ на Каянские Немцы (т.е. на шведов и подвластных им финнов) воевати» [4, С. 144]. В контексте цитаты «ратный казакъ» – это лицо, нанятое общиной на военную службу [32, С. 115].

В отписях (док. № ССXVI-ССXIX за июнь 1590 г.) сообщается, что андреяновскому сотнику Ф. Харлову дали хлеб

«казакомъ, что въ Усть-Колу пошли, да въ Колу и лоды наняли» [4, С. 141-143].

В отписи (док. № ССXXIV от 12 декабря 1590 г.) церковный приказчик Р. Селивестров взял с церковных лодомских деревень 5 руб. 2 гривны «въ государеву службу по розводу въ 200 въ 50 человекъ ратныхъ казаковъ съ коньми, и съ пищальми, и с ынымъ ратнымъ оружиемъ сполна... и донскимъ казакомъ, и стрельцомъ» [4, С. 146].

В отписи от 17 октября 1591 г. (док. № ССXXXI) пятидесяцкий И. Корзов взял с церковных лодомских деревень деньги «по грамоте въ подмогу ратнымъ казакомъ съ огненнымъ боемъ, съ пищальми, и съ луки, и з стрелами, и съ копии, и съ рогатинами ... и съ лошадьми по розводу въ триста человекъ, ... подъ Литву, и подъ Московскихъ стрельцовъ, что идутъ въ войну на Каянские немци, по розводу во сто и въ 70 лошадей з седлы, и съ уздами, и з санми, и въ кормъ ...на 4 месяца, и въ наемъ ратнымъ казакомъ дву человекомъ, что были съ пищальми въ сентябри месяци по воеводскому приказу князя Феонася Ивановича Вяземского для ратных вестей Свицкихъ немецъ» [4, С. 152]. Судя по всему, ратных казаков нанимали из местных жителей для участия их в войне со шведами в 1589-1592 гг. Как известно, в ходе войны шведами были полностью сожжены Кемский и Сумский остроги, деревни Вирма, Шижня на Поморском берегу, а на Карельском берегу были уничтожены варницы, промысловые постройки возле тоней, а также были захвачены рыболовные суда в море вместе с уловом.

Казаки, нанятые на срок для охраны города, морской пристани, чиновников, послов, представляли собой вооружённых наёмников на двинском речном пути. Как можно предположить, эта региональная группа казаков могла стать первоначальным ядром переселенцев, спустившихся по речной системе на юг и положивших начало в Волго-Уральском регионе волжскому и уральскому казачеству. Один из возможных маршрутов переселения мог быть т.н. «Заволоцкий путь», который проходил через Северную Двину на Сухону, далее, минуя Кубенское озеро, на р. Порозовицу, у села Волокославинское волоком по р. Славянке в Шексну, а оттуда можно было попасть через притоки волоком в Волгу. Как уже говорилось выше, в 1579 г. некие «вольные казаки-гребцы» доставили на дощаниках англичанина Х. Бэрроу с Устюга на Волгу, откуда он направился в Москву. Эти казаки занимались

извозом на северодвинском и волжском речном пути. И нет ничего удивительного в том, что фактически нетронутые, богатые красной рыбой ловли в низовьях Волги и Урала привлекали таких отъявленных «красноловов», как «вольные казаки-гребцы» Северной Двины, которых встретили Х. Бэрроу и Е. Баус. Ещё раньше, в 1553-1554 гг. таким же путём с устья Северной Двины в Москву добралась экспедиция под руководством Р. Ченслера, в результате чего был открыт новый морской путь и установились торговые отношения Москвы с Западной Европой. До начала XVIII в. северный путь проходил по р. Вологда, Сухона и Северная Двина. В устье Северной Двины в 1584 г. рядом с Михаило-Архангельским монастырём был создан торговый и морской порт Архангельск.

Как показал анализ хозяйственно-культурного комплекса и лексический анализ диалекта уральских казаков и рыбаков Нижнего Поволжья, главной основой в их формировании были носители культуры рыбаковских комплексов главным образом из Беломорья и частично со Псковщины.

Список литературы и источников

1. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV - XVI в. Акты Соловецкого монастыря, 1479-1571 гг. / Составитель И.З. Либерзон. Л.: Наука ЛО, 1988. 274 с.
2. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV - XVI в. Акты Соловецкого монастыря, 1572-1584 гг. / Составитель И.З. Либерзон. Л.: Наука ЛО, 1990. 328 с.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV-начала XVI в. / Ответственный редактор Б.Д. Греков, Составитель И. А. Голубцов. М., 1958. Т. II. 727 с.
4. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Приложение: Акты лодомской церкви. Кн. 3: В прил. Акты Лодомской церкви / Редактор В.В. Майков // Русская Историческая Библиотека, изданная Археографической комиссией. СПб., 1908. Т. XXV. 1268 стб.
5. Волга в песнях и сказаниях / Составитель К.И. Дворецкова. Саратов: Сароблгиз, 1937. 171 с.
6. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Типография В.В. Платц, 1872. Т. XII. 469 с.

7. Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977. 485 с.
8. Елизаровский И.А. Лексика беломорских актов XVI-XVII вв. Архангельск, 1958. 240 с.
9. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. ПСС. СПб.: Общественная польза, 1910. Т. I. LXXIV, 399 с.
10. Исследования о состоянии рыболовства в России / Составитель А.Я. Шульц. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1863. Т. VII. 117 с.
11. Копылова Э.В. Словарь рыбаков Волго-Каспия. Томск; М.: Водолей Publishers, 2002. 185 с.
12. Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М.: Наука, 1970. 368 с.
13. Коротин Е.И., Коротин О.Е. Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков. Самара-Уральск: Самарский Дом печати, 1999. Ч. 1. 464 с.
14. Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.). Л.: Издательство ЛГУ, 1959. 423 с.
15. Малеча Н.М. Словарь говора уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002. Т. I. 491 с.
16. Малеча Н.М. Словарь говора уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002. Т. III. 567 с.
17. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М.: Типография Э. Лисснер и Ю. Роман, 1878 (Отписки архимандрита Макария). Т. III. Ч. 3. Акты, относящиеся к истории соловецкого мятежа. 462, IX с.
18. Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828 гг.). М.-Л.: Издательство АН СССР, 1940. Т. IV. 543 с.
19. Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. Мурманск: Книжное издательство, 1979. 184 с.
20. Михеева Н.В. Рыболовецкая лексика русских народных говоров среднего и нижнего течения р. Урал. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 1975. 154, [VI], (Приложение). 483 с.
21. Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. СПб.: Наука,

2004. 492 с.

22. Мызников С.А. Севернорусский компонент в рыболовецкой лексике русских говоров Ульяновской области // Севернорусские говоры. СПб.: Нестор-История, 2017. № 16. С. 96-106.

23. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической Коммиссиею. СПб.: Типография Безобразова, 1862. Т. 2: Переписная оброчная книга Деревской пятины. 890 стб.

24. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической Коммиссиею. СПб.: Типография Безобразова, 1886. Т. 4: Переписные оброчные книги Шелонской пятины. [6] с., 584 стб.

25. Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: 2-е Отделение АН, 1885. 204 с.

26. Полное собрание русских летописей. Петроград, 1922. Т. 15: Рогожский летописец: Вып. 1. 194 с.

27. Половников С.Я. Там, за горизонтом...: Очерки о Белом море и поморах. Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2014. 272 с.

28. Рыбников П.Н. Русские народные былины, песни. М.: «Советская Россия», 1990. Ч. I. 143 с.

29. **СНРРГА** – Словарь народно-разговорной речи города Архангельска. Архангельск: САФУ, 2016. Т. 2. Городские социолекты. Ч. 1. Профессиональная речь моряков и рыбаков. 200 с.

30. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1980. Вып. 7. 403 с.

31. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1991. Вып. 17. 295 с.

32. Словарь русского языка XI-XVII вв. М., СПб.: Нестор-История, 1997. Вып. 22. 297 с.

33. Шилов А.Л. Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. М.: Издательский Центр «Наука, техника, образование», 2008. 44 с.

References

1. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severa Rossii kontsa XV - XVI v. Akty Solovetskogo monastyria, 1479-1571 gg.* [Acts of the socio-economic history of the North of Russia at the end of the XV - XVI centuries. Acts of the Solovetsky Monastery, 1479-1571] (comp. I.Z. Liberzon). Leningrad: Nauka LO Publ., 1988. 274 p.
2. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severa Rossii kontsa XV - XVI v. Akty Solovetskogo monastyria, 1572-1584 gg.* [Acts of the socio-economic history of the North of Russia at the end of the XV - XVI centuries. Acts of the Solovetsky Monastery, 1572-1584] (comp. I.Z. Liberzon). Leningrad: Nauka LO Publ., 1990. 328 p.
3. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV-nachala XVI v.* [Acts of the socio-economic history of North-Eastern Russia at the end of the XIV-beginning of the XVI century] (Resp. ed.: B.D. Grekov, comp. I. A. Golubtsov). Moscow, 1958, Vol. II. 727 p.
4. *Akty Kholmogorskoi i Ustiuzhskoi eparkhii. Prilozhenie: Akty lodomskoi tserkvi. Kn. 3: V pril. Akty Lodomskoi tserkvi* [Acts of the Kholmogorsk and Ustyug dioceses. Appendix: Acts of the Lodom Church. Book 3: In adj. Acts of the Lodom Church] (Ed.: V.V. Maikov). *Russkaia Istoricheskaia Biblioteka, izdannaia Arkheograficheskoi komissiei* [Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, 1908, Vol. XXV. 1268 col.
5. *Volga v pesniakh i skazaniakh* [Volga in songs and tales] (Comp. K.I. Dvoretzkova). Saratov: Saroblgiz Publ, 1937. 171 p.
6. *Dopolneniia k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoiu komissieiu* [Additions to Historical Acts, collected and published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg: Tipografiia V.V. Pratts Publ., 1872, Vol. XII. 469 p.
7. *Drevnie Rossiiskie stikhotvoreniia, sobrannye Kirsheiu Danilovym* [Ancient Russian poems collected by Kirshey Danilov]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 485 p.
8. Elizarovskii I.A. *Leksika belomorskikh aktov XVI-XVII vv.* [The vocabulary of the White Sea acts of the XVI-XVII centuries]. Arkhangelsk, 1958. 240 p.
9. Zheleznov I.I. *Ural'tsy. Ocherki byta ural'skikh kazakov. PSS* [Ural people. Essays on the life of the Ural Cossacks. Full

- composition of writings]. St. Petersburg: Obshchestvennaia pol'za Publ., 1910, Vol. I. LXXIV. 399 p.
10. *Issledovaniia o sostoianii rybolovstva v Rossii* [Research on the state of fishing in Russia] (Comp. A.Ya. Schultz). St. Petersburg: Tipografiia V. Bezobrazova i komp. Publ., 1863, Vol. VII. 117 p.
 11. Kopylova E.V. *Slovar' rybakov Volgo-Kaspiia* [Dictionary of fishermen of the Volga-Caspian]. Tomsk; Moscow: Vodolei Publishers, 2002. 185 p.
 12. Koretskii V.I. *Zakreposhchenie krest'ian i klassovaia bor'ba v Rossii vo vtoroi polovine XVI v.* [The enslavement of peasants and the class struggle in Russia in the second half of the 16th century]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 368 p.
 13. Korotin E.I., Korotin O.E. *Ustnoe poeticheskoe tvorchestvo ural'skikh (iaitskikh) kazakov* [Oral poetic work of the Ural (Yaitsky) cossacks]. Samara-Uralsk: Samarskii Dom pechati Publ., 1999, Part. 1. 464 p.
 14. Larin B.A. *Russko-angliiskii slovar'-dnevnik Richarda Dzhemsa (1618-1619 gg.)* [Russian-English dictionary-diary by Richard James (1618-1619)]. Leningrad: LGU Publ., 1959. 423 p.
 15. Malecha N.M. *Slovar' govora ural'skikh (iaitskikh) kazakov* [Dictionary of Ural (Yaitsky) cossacks]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2002, Vol. I. 491 p.
 16. Malecha N.M. *Slovar' govora ural'skikh (iaitskikh) kazakov* [Dictionary of Ural (Yaitsky) cossacks]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2002, Vol. III. 567 p.
 17. *Materialy dlia istorii raskola za pervoe vremia ego sushchestvovaniia. Akty, otnosiashchiesia k istorii solovetskogo miatezha (Otpiski arkhimandrita Makarii)* [Materials for the history of the split for the first time of its existence. Acts related to the history of the Solovetsky rebellion (Notes by Archimandrite Makarii)]. Moscow: Tipografiia E. Lissner i lu. Roman Publ., 1878, Vol. III, Part 3. 462, IX p.
 18. *Materialy po istorii Kazakhskoi SSR (1785-1828 gg.)* [Materials on the history of the Kazakh SSR (1785-1828)]. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 1940, Vol. IV. 543 p.
 19. Merkur'ev I.S. *Zhivaia rech' kol'skikh pomorov* [Live speech of Kola Pomors]. Murmansk: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1979. 184 p.
 20. Mikheeva N.V. *Rybolovetskaia leksika russkikh narodnykh govorov srednego i nizhnego techeniia r. Ural. Dis. na soiskanie uch. stepeni kand. fil. nauk* [Fishing vocabulary of Russian folk

- dialects of the middle and lower reaches of the river. Ural. The dissertation for the degree of candidate of philological sciences]. Moscow, 1975, p. 154, [VI], (Appendix). 483 p.
21. Myznikov S.A. *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniia v russkikh govorakh Severo-Zapada* [Vocabulary of Finno-Ugric origin in Russian dialects of the North-West.]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2004. 492 p.
 22. Myznikov S.A. Severnorusskii komponent v rybolovetskoii leksike russkikh govorov Ul'ianovskoi oblasti [The North Russian component in the fishing vocabulary of Russian dialects of the Ulyanovsk region]. *Severnorusskie govory* [North Russian dialects]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2017, no. 16, pp. 96-106.
 23. *Novgorodskie pistsovyie knigi, izdannye Arkheograficheskoiu Kommissieiu. Perepisnaia obrochnaia kniga Derevskoi piatiny* [Novgorod scribe books published by the Archaeographic Commission. The census obrochny book of Derevskaya Pyatina]. St. Petersburg: Tipografiia Bezobrazova Publ., 1862, Vol. 2. 890 col.
 24. *Novgorodskie pistsovyie knigi, izdannye Arkheograficheskoiu Kommissieiu. Perepisnye obrochnye knigi Shelonskoi piatiny* [Novgorod scribe books published by the Archaeographic Commission. The census obrochnye books Shelonsky pyatina]. St. Petersburg: Tipografiia Bezobrazova Publ., 1886, Vol. 4. 6 p., 584 col.
 25. Podvysotskii A.I. *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiia v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Arkhangel'sk dialect in its everyday and ethnographic application]. St. Petersburg: 2-e Otdelenie AN Publ., 1885. 204 p.
 26. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. *Rogozhskii letopisets* [Rogozhsky chronicler]. Petrograd, 1922, Vol. 15, no. 1. 194 s.
 27. Polovnikov S.Ia. *Tam, za gorizontom...: Ocherki o Belom more i pomorakh* [There, on the horizon ...: Essays on the White Sea and pomors.]. Arkhangel'sk: OAO «IPP «Pravda Severa» Publ., 2014. 272 p.
 28. Rybnikov P.N. *Russkie narodnye byliny, pesni* [Russian folk epics, songs]. Moscow: «Sovetskaia Rossiia» Publ., 1990, Part I. 143 p.

29. *Slovar' narodno-razgovornoj rechi goroda Arkhangel'ska. T. 2: Gorodskie sotsiolekty. Ch. 1: Professional'naia rech' moriakov i rybakov* [Dictionary of colloquial speech of the city of Arkhangel'sk. T. 2: Urban socio-lectures. Part 1: Professional speech of sailors and fishermen]. Arkhangel'sk: SAFU Publ., 2016, Vol. 2, Part 1. 200 p.
30. *Slovar' russkogo iazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1980, Iss. 7. 403 p.
31. *Slovar' russkogo iazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1991, Iss. 17. 295 p.
32. *Slovar' russkogo iazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 1997, Iss. 22. 297 p.
33. Shilov A.L. *Materialy k slovariu rannikh pribaltiisko-finskikh, chudskikh i saamskikh zaimstvovaniy russkogo iazyka* [Materials for the dictionary of the early Baltic-Finnish, Chud and Sami borrowings of the Russian language]. Moscow: Izdatel'skii Tsentr «Nauka, tekhnika, obrazovanie» Publ., 2008. 44 p.